

ЭЛЕЙН ХО

БУРЯ и ПЛАМЯ

фэнтези

МИО

МИФ Комиксы

Элейн Хо

Буря и пламя

«Манн, Иванов и Фербер»

2023

УДК 821.111:82-31(084.1)

ББК 84стд1-445.13я61

Хо Э.

Буря и пламя / Э. Хо — «Манн, Иванов и Фербер»,
2023 — (МИФ Комиксы)

ISBN 978-5-00-214169-2

Ретеллинг «Красавицы и чудовища» с иллюстрациями в стиле мрачного романтизма и с элементами готики. Эрис живет в городе, который медленно погибает. Люди вокруг верят в рассказы о таинственном чудовище, которое однажды испепелило всё с помощью магии и может снова уничтожить их город. И о двух королях, которые всех спасли. Поэтому магия считается чем-то ужасным. Эрис решает бежать из ненавистного города и почти сразу же попадает в логово к таинственному человеку в плаще. Он живет отшельником и, как оказалось, владеет магией. По случайности Эрис убивает единственное близкое чудовищу существо... Тогда она заключает с чудовищем сделку, обещая научиться магии и восстановить умирающие земли. Постепенно они сближаются... И настанет день, когда ей придется выбирать: принять сторону воинственно настроенных горожан или того, чья боль и ярость может погубить их всех. Для кого эта книга Для любителей романтического фэнтези с закрученным сюжетом. Публикуется впервые.

УДК 821.111:82-31(084.1)

ББК 84стд1-445.13я61

ISBN 978-5-00-214169-2

© Хо Э., 2023

© Манн, Иванов и Фербер, 2023

Содержание

Мимесис	7
Глава первая	7
Глава вторая	14
Глава третья	23
Глава четвертая	27
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Элейн Хо

Буря и пламя

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

Published by permission of the Author and her literary agents, Triada US Literary Agency (USA) via Alexander Korzhenevski Agency (Russia).

© 2023 by Elaine Ho

© Издание на русском языке, перевод, оформление. ООО «Манн, Иванов и Фербер», 2024

* * *

Мимесис

Глава первая

Человек в сверкающих доспехах спрыгнул с лошади и развернул свиток. Его губы зашевелились, но издали Эрис не было слышно слов. Она рассеянно била об пол пшеничный сноп, чтобы отделить зерна от стеблей, не сводя глаз с поникшего отца. Сестра не успела его подхватить – он упал на землю, закрыв лицо руками.

Эрис уронила сноп пшеницы. *Неужто опять?* Девочка побежала меж рядов иссохших колосьев, залитых утренним светом. Земля скрипела у нее под ногами. Заслышав шаги, Констанция, вторая ее сестра, обернулась и нахмурилась, но Эрис это не остановило. На сей раз сестрам ни за что ее не переубедить.

– Уходи, – сказала Констанция. – Тебе тут не место!

Эрис пропустила приказ мимо ушей.

– Он что, опять за налогом приехал?

Виктория закрыла Эрис дорогу.

– Мы отдадим вам, что есть, когда закончим веять¹ остальное, – пообещала она сборщику. – Дайте нам время.

Сборщик постучал по своему позолоченному шлему.

– Если каждому крестьянину давать отсрочку, я ничего не получу. Сегодня или никогда. – Он бросил свиток к ногам рыдающего отца.

---

¹ То есть очищать зерно от сора. Здесь и далее прим. пер.

– Джарус, сбор урожая только-только закончился, – сказала Виктория. – Все, что у нас есть, здесь...

– Да что вы? – Джарус хохотнул и кивнул на поникшие листья и растрескавшуюся зелень. – Что-то я не вижу золота. Ваш отец – вор, и вот ему наказание.

Эрис поднырнула под руку Виктории и бросилась вперед, а потом стукнула кулаком по броне сборщика. С таким же успехом можно было бы ударить цветком по скале. Плечо тут же пронзила боль. Не успела Эрис занести кулак для нового удара, как старшая сестра оттащила ее назад. Силуэты Виктории и Констанции заслонили осеннее солнце.

– Прошу прощения, – сцепив руки, произнесла Констанция. – Она у нас еще маленькая – ей всего восемь – и мало что понимает.

Джарус взглянул на Эрис поверх ее сестер.

– Ты что, в тюрьму захотела, девчушка? Я надзирателя лично знаю.

Веснушчатое лицо Констанции омрачилось тревогой. «Скажи ему то, что он хочет услышать», – молил ее взгляд.

– Нет, – пробормотала девочка.

– Тогда думай в следующий раз, прежде чем замахиваться на того, кто наделен полномочиями! – Джарус потер то место, куда ударила Эрис. – Вмятина осталась. Прибавлю к вашему долгу еще пятьдесят керингов.

Эрис встала на цыпочки. Позолоченные доспехи сборщика налогов блеснули. Для битвы они вряд лигодились.

– Вы что, не слышали, что сказала Виви? Сколько раз повторять: у нас нет денег! – крикнула она из-за сестринских спин.

Виктория зажала девочке рот.

– Прошу, замолчи.

Сборщик сощурился.

– Нет, сотню.

Отец заплакал еще горше. Эрис, поняв, что это ее вина, перестала вырываться из рук Виктории.

Констанция опустилась на колени и обняла отца за спину.

– Я очень сожалею, – сказала она Джарусу и склонилась так низко, что лоб коснулся земли. – Умоляю, пересмотрите свое решение.

– Ваш отец взял ссуду на фермерские расходы, а теперь не может платить. У каждого действия есть последствия, и нужно уметь их принимать. Я следую по пути королей стародавних времен. – Джарус грациозно закинул тяжелую ногу на седло, и его шеголеватые доспехи звякнули. – Через три дня эта земля перейдет в мое владение, – объявил он напоследок, прежде чем ускакать. – Будьте готовы.

Эрис открыла было рот, но Виктория сжала ей щеки.

– Мы же просили тебя уйти! – воскликнула Констанция, когда Джарус исчез вдали. – Погляди, что ты натворила!

– Он назвал папу вором! – напонила девочка, отпрянув от сестры.

– Какая же ты глупая! – осадила Виктория. – Какое нам дело до слов, если вся наша жизнь в его руках? Через три дня мы станем его рабами!

Констанция помогла отцу встать, и все семейство направилось к их домику из саманного кирпича², спотыкаясь о пожухлые колосья.

– Мы и так отдаем ему весь свой заработок, и так будет до тех пор, пока мы не закроем долг полностью, – продолжала сестра. – А ты теперь его учетверила!

– Вот сама все и выплачу! – фыркнув, заявила девочка.

---

² Кирпич из глины и соломы.

Виктория не обратила на ее слова никакого внимания – как, впрочем, и всегда – и побежала вперед.

– Надо уходить, – сказала она, нагнав Констанцию. – В Кешгиуме полно работы. Можем пойти в каменщики или грузчики...

– И жить на улице, как побирušки. Папа этого не вынесет, – возразила сестра.

– Там есть богадельня. Я разговаривала с доктором оттуда. Он нам поможет. – Виктория подняла сноп, который оставила Эрис, и ударила им об пол. Зерна взвились в воздух. – Давайте поработаем как следует в ближайшие два дня. Сколько зерна сможем повеять, все продадим на рынке и будем молить небеса о том, чтобы работа нашлась, пока не закончились деньги.

Эрис ее не слушала. Она смотрела за покосившуюся дверь отцовской хижины, на редкие пни, отделявшие лес у кромки полей от длинного горного хребта, протянувшегося за ним.

* * *

– Это моя последняя ночь здесь, – шепнула Эрис горному подножию.

Здесь, у горного хребта, никогда не стихал ветер. Девочка часто сидела у подножия после долгого трудового дня в поле, наслаждаясь его прохладой.

Ей нравился запах тополей, который так отчетливо чувствовался ночами, нравились густые ароматы леса, от которых совсем не сохло горло. Лесные жители пели мелодично, но невпопад: какая-то птичка, тоже страдавшая от бессонницы, чирикала среди деревьев, перебывая сверчков, которые и сами стрекотали вовсе не в унисон с шелестом ветвей. Здесь царила суматоха, но Эрис это нравилось. Соседи-фермеры как-то рассказали ей, что в чаще орудует дух Твари, который охотится за всеми непрошеными гостями и нашептывает им в уши ложь, как и много столетий назад. Соседи твердили ей, что не стоит одной тут разгуливать, но отец ей этого не запрещал, даруя дочери полную свободу.

Когда-то они вдвоем играли в прятки в этом лесу. Отец, рослый, загорелый, в длинной пожелтелой рубашке, округлял глаза в деланом изумлении, когда Эрис хватала его, спрятавшегося за чересчур тонким стволом, за ногу, обутую в сандалию. Чем старше становилась дочка, тем лучше он прятался, но со временем перестал показывать зубы, когда улыбался. А однажды и вовсе перестал с ней играть. Эрис легко это пережила: все-таки прятки – забава для малышей, а ей уже целых восемь, но, всякий раз гуляя по лесу, она нет-нет да и заглядывала за деревья в надежде, что он по-прежнему ведет с ней затейливую игру.

Эрис ориентировалась по небу – по Полярной звезде и ближайшим к ней созвездиям. Отыскать солнце днем было нетрудно, но жара изматывала, особенно в посевную, да и Виктория устроила бы ей взбучку за то, что та отлынивает от работы. Так что она любила гулять ночами, особенно при полной луне. И дело не в том, что лунное сияние указывало дорогу – ее Эрис могла найти и тогда, когда на небе видны только звезды, – просто ей нравилось, как призрачный, голубоватый свет пробивается сквозь листву и окутывает лес.

Больше всего она любила одно местечко у ручья, который бежал вдоль горного хребта. И сегодня, сбросив сандалии, она ступила на влажную землю. Следы тут же заполнила прохладная вода. Боль в ногах сразу стихла. Эрис пошевелила пальцами. От каждого движения холмики грязи то поднимались, то рассыпались. Именно здесь всего несколько месяцев назад она услышала свист и смутную, незнакомую песню.

Уняв тяжесть в ногах, девочка направилась к скалистому подножию горы. Когда-то она верила, что слышит, как поет волшебница, владычица леса, но, к своему разочарованию, обнаружила, что это завывает ветер, проносящийся мимо камней. Эрис представляла, что звук исходит от существа, заточенного в них, – это оно поет и может общаться с миром лишь так.

В отличие от остальных певцов леса, ветер своей песни никогда не менял, он либо глухо гудел, либо выл – в зависимости от того, холодной ли выдалась ночь. Сегодня же было так тихо, что Эрис слышала собственный шепот.

Девочка взяла камень и кинула его на землю.

– Не понимаю, почему мы ничего оставить себе не можем, это же наш урожай! – Эрис швырнула камень еще раз, а потом еще, и чем яростнее кидала, тем стремительнее затихали лесные голоса. – Ерунда какая-то. Если нам самим нечего есть, разве мы сможем растить пшеницу, чтобы выручить для него деньги?

Теперь лесную тишь тревожил лишь монотонный ветер. Эрис пришла сюда по одной-единственной причине и никак не отваживалась про нее рассказать. Она вцепилась в каменистый склон, сдавив пальцами мох.

– Я спросила у Стаци, далеко ли город, и она сказала, что да.

Зрение у девочки помутилось, по лицу заструились слезы. Только здесь и можно было покричать, повопить и поплакать вдоволь. Лес не возражал, в отличие от Виктории, которую так легко было вывести из себя.

Говорить сквозь слезы было нелегко. Дыхание то и дело сбивалось.

– Я... не хочу уходить.

Признание наконец слетело с ее губ, уступив место протяжному плачу. Он вырвался из горла, заглушая вой ветра и песнь леса. Девочка впилась пальцами в землю и корни и сжала кулак.

Сегодня ветер ответил ей. Когда она притихла на мгновение, чтобы перевести дух, раздался громкий и отчетливый треск.

* * *

Деревья закачались, а земля задрожала. По горе, от подножия вверх, побежала трещина, и с каждым мигom она становилась все шире, казалось, еще минута – и гора рассыплется на куски. Эрис с трудом поднялась, но тут же упала. Затрещали ветви, посыпались щепки и камни. Увесистый булыжник едва не задел руку. Девочка отскочила, на четвереньках поползла к ближайшему дереву и вцепилась в ствол. Листья шелестела, а голые ветки исступленно трещали в такт стихии.

Неведомая сила потянула ее за спину и руки и оттащила от дерева. А потом сверху навалилась какая-то тяжесть.

Мне конец.

Землетрясение вдруг прекратилось – так же внезапно, как началось. В ушах у Эрис громко и оглушительно зазвенело.

Хватит, хватит, хватит...

– Тсс... Это я, – сквозь шум прорвался хриплый голос человека, привыкшего к сухому воздуху бесплодных полей, и, хотя слух у Эрис притупился, она узнала его.

Эрис сделала вдох. Сжала губы. Шум в ушах пропал – оказалось, ее глушили собственные крики.

Тяжесть, пригвоздившая ее, пошла на убыль, и кто-то начал стряхивать камешки и грязь с ее рубашки. Девочка прищурилась, рассматривая мужской силуэт, проступивший в темноте. Следом ее обняли шершавые, мозолистые руки. Над землей взвилась пыль, и сквозь эту дымку девочка отчаянно пыталась разглядеть на небе звезды.

– Папа! – изумленно прошептала Эрис.

– Слава королям, ты жива, – прижимая ее к груди, сказал он. – Не поранилась?

– Нет, я цела. – Девочка уткнулась лицом в его грубую пеньковую³ рубашку. Руки ее дрожали под действием незнакомой сладостной силы, дыхание сбилось, мышцы сковало. Чувства вспыхнули в ней, точно огонь, эйфория рекой разлилась по телу. Девочка с удивлением заметила, что улыбается.

– Я видел, как ты выходишь из дома, – сказал отец. – Подумал, что ты решила сбежать.

– Я хотела попрощаться с лесом, – ответила девочка. – Прости, что ударила сборщика.

– Пятьдесят керингов, сто – какая разница? Нам все равно платить нечем, – покачав головой, сказал отец. Его голос дрогнул, и он крепче прижал дочурку к себе. – Мне так жаль. Не стоило взваливать это на вас со Стаци и Виви... Мои долги – мое и только мое бремя.

Эрис прильнула к отцу.

– Нет! – воскликнула она. – Я помогу тебе. Ты не один. Я с тобой.

Отец вытер лицо рукавом.

– Твоя правда, – проговорил он, скрыв за улыбкой слезы. – Пойдем домой. Только подождем, пока снова выглянут звезды.

Они уселись на землю и, взявшись за руки, стали ждать, пока облако пыли и грязи осядет. Тишину то и дело нарушал отцовский кашель. И вот черная дымка рассеялась. В расселине, разделившей горный склон надвое, ступалась непроглядная тьма. Ветер уже не насвистывал еле слышно, а порывисто выл в узкой пещере. Теплый воздух просочился Эрис в рот. На самом деле трещина была не такой уж и широкой – туда бы протиснулся только один человек, – но довольно глубокой.

Отец с дочкой приблизились к пещере. Эрис прижалась к подножию, выскользнув из-под защиты отцовской руки, и вытянула шею. В лунном свете поблескивала вода, а поодаль темнели какие-то смутные и неровные очертания. *Что это, флотилия? Или, может, деревня?* Отголоски землетрясения еще пульсировали у Эрис в венах. Она нырнула под отцовскую ладонь и подобралась еще ближе к трещине.

---

³ Пенька – грубое и прочное волокно из конопли, используется для производства ткани, канатов, веревок.

– Что там? – любопытствовала она.

Отец обхватил ее за пояс и поднял.

– Ну уж нет, нам пора, – прижав к груди дочурку, напомнил он. – Твои сестры не на шутку разволнуются. Пришло время отправиться в Кешгиум. – Он отвернулся от горы и стал искать взглядом Полярную звезду.

Они двинулись в сторону дома, и вскоре трещина уже слилась с ночной темнью. Эрис все щурилась, всматриваясь в даль, пока листья тополя не заслонили гору.

На миг ей показалось, что и отец разок обернулся.

Глава вторая

Вместо того чтобы, повинуясь приказу командира, маршировать дальше, «смотреть только вперед и не отвлекаться!», Эрис уселась на лавочку.

Весь день она собирала налоги в Верхнем квартале Кешгиума, а теперь должна была отправиться в Нижний, но от мысли о сборе денег у беженцев, лишенных крова над головой, во рту разлилась горечь. Да и снаряжение усложняло задачу. От длинных перчаток чесались руки, кожаная броня так стиснула грудь, что было трудно дышать, а тяжелые мешочки, набитые монетами и висевшие у нее на поясе, тянули к земле. Мало того, приходилось таскать с собой громоздкую и ненужную алебарду, да и после преодоления семисот из девятисот двадцати трех ступенек, ведущих от Верхнего квартала к Храму, дыхание у Эрис сбилось.

Вдоль ступенек стояли известняковые лавочки для тех, кто захочет передохнуть по пути. Как правило, на них усаживались старики в тяжелых и пышных одеяниях из шелка и золота либо те, у кого было вдоволь времени. Эрис ни под одно из этих описаний не подходила. Прислонив алебарду к стене, она упала на лавочку, жадно вдыхая пыльный, сухой воздух.

В этом городе, который куда больше походил на пустыню, не было ни деревца, ни зелени, ни цветочка. Кешгиум и окружавшие его поля пришли в упадок за десять лет, пролетевших с тех пор, как Эрис с семьей сбежали с фермы. Смотреть на иссушенные, опустевшие земли не было нужды – толпы разоренных фермеров, томящихся у городских ворот, говорили сами за себя.

Здесь же не происходило ничего. Беженцам запрещалось покидать Нижний квартал. За этим зорко следили два отряда стражников, приставленных ко входу.

Раздался вечерний звон колокола, и обитатели Верхнего квартала заспешили вниз по лестнице – ужинать. У Эрис оставался всего час на доставку собранного налога, чтобы Виктория не прознала об опоздании. Но девушка наслаждалась мгновениями тишины. Она закрыла глаза, воскрешая в памяти зеленый лесной мох, трещину в горе, тень, возвышавшуюся вдали.

– *Вор!* – крикнул кто-то.

Тошная фигура – не человек, а сущий скелет! – спешила вверх по ступенькам. Алые руки сжимали ношу, еще сильнее перепачканную кровью. Эрис с трудом поднялась на ноги и ухитрилась толкнуть вора плечом, несмотря на свое скованное положение.

Человек оказался даже легче, чем она думала. От удара его отбросило назад. Эрис попыталась было схватить его за руку, но та была скользкой от крови, и незнакомец упал на белые известняковые ступеньки Храма, оставив на них алые полосы.

Гадая, чья это кровь – вора или, может, еще кого-нибудь, – Эрис неуклюже поспешила следом. Мешочки с золотом позвякивали на каждом шагу.

– Вы ранены? – спросила она, приближаясь к незнакомцу. Теперь стало проще рассмотреть, что же он держит в руках. Желтый жир, кусочки розовато-серой плоти, позвонки, сухожилия. Шмат сырого мяса – вероятнее всего, баранины, – причем далеко не лучший.

К ужасу Эрис, человек жадно откусил кусок.

– Стойте... – потрясенно сказала она, но тут на лестнице показался еще один человек с длинной палкой. Он проворно подбежал к упавшему и принялся его бить.

– Вор, вор, вор! – приговаривал человек с палкой между ударами. Упавший же, казалось, не замечал боли. Все его внимание было занято поеданием мяса, которое он держал в руках.

Эрис ловко перехватила палку.

– Перестаньте.

Напавший обернулся, метя свободной ладонью в щеку Эрис. Девушка вовремя пригнулась и ловким движением выхватила из ботинка кинжал, а потом резко приставила его к шее мужчины с палкой.

– Держите себя в руках, – велела она, стараясь говорить тем самым бесцветным голосом, который еще несколько лет назад отточила Виктория.

Человек задержал взгляд на эмблеме Вечного древа, выбитой на броне Эрис, и тут же отпрянул и выпустил палку.

– Прошу прощения, стражница! Я Тассус, мясник из Нижнего квартала. Вы, должно быть, слышали обо мне. Я поставляю в Храм немало...

С губ Эрис едва не сорвался громкий вздох. Стражницей она не была – просто служила в гвардейской пехоте, – но исправлять мясника не было нужды. Девушка присела, спрятала кинжал в ботинок и обратилась к незнакомцу с окровавленными руками.

– Сэр, как ваше имя?

Тот моргнул и проглотил еще один кусок сырого мяса.

– М... Мэтью.

– Плевать, как его зовут! – воскликнул Тассус. Зеваки, идущие мимо, стали сбавлять шаг и вытягивать шеи, чтобы получше разглядеть, что же происходит. Они жадно ловили каждое слово. Тассус заговорил еще громче ради пущего эффекта: – Он украл у меня баранину! Порцию, которую я выделил для своей семьи...

– Пощадите, – взмолился Мэтью. – Я не ел двенадцать дней.

– А мое какое дело? – спросил Тассус и еще сильнее разъярился. – Я же и сам беженец с погибших полей. Моим овцам нечего есть – и мне тоже. Но я же до воровства не опустился! – Он повернулся к Эрис: – Стражница, арестуйте его!

Плечи Мэтью поникли. Он встал на колени перед Эрис, схватившись за седеющие волосы.

– У меня не было выбора, – прошептал он. Под тонкой, как бумага, кожей на спине дыбились позвонки.

Выглядит точь-в-точь как отец когда-то.

Эрис сжала руку Мэтью и подняла его на ноги.

– Пойдемте со мной, – велела она и потянула его за собой, вниз по ступенькам.

– Стражница, – глупо улынувшись, подал голос Тассус, – при всем уважении: Храм наверху, а не у подножия лестницы!

– Поглядите на него. Подъема по лестнице он не переживет, а тащить на себе труп я не собираюсь. Мы отведем его в Храм вместе с другими стражниками. Довольны?

– А что насчет компенсации?

Эрис кивнула на обглоданный скелет в руках Мэтью.

– Хотите забрать?

Тассус поморщился.

– Нет.

– Что ж, тогда считайте за убыток, – подытожила девушка, таща за собой Мэтью мимо толпы зевак. – Вероятно, в будущем стоит повнимательнее приглядываться за товаром.

Она повела Мэтью по посыпанным гравием улочкам Среднего квартала, мимо домов из камня и дерева. На нижних этажах располагались магазинчики – торговцы шумно зазывали покупателей, нахваливая свои изделия из шелка и посуду из обожженной глины. Зажиточных торговцев легко можно было определить по белой известняковой краске, которой были покрыты сделанные на заказ двери. На этом блестящем фоне выделялись профили двух королей, выведенные красным. И пускай владельцы этих магазинчиков жили богаче других, нанять постоянную прислугу им было не на что, поэтому двери потемнели от грязи и пыли, но все же не перестали быть статусным символом.

Чем ближе они подбирались к Нижнему кварталу, тем непригляднее становились улицы. Магазинчики тут были ветхими и держались только благодаря бечевке и строительным лесам. Между ними едва можно было протиснуться. Исхудававшие овцы плелись на бойню, подгоняемые мясниками, – из-за этой процессии прохожим приходилось плестись чуть ли не с черепашьей скоростью. Эрис лавировала меж пустых корзин, которые впору бы было наполнить специями и сушеной рыбой. В воздухе висел удушливый запах масла и дыма. Девушка зажала нос ладонью.

По дороге Мэтью не упирался – точно заранее смирился со своей судьбой узника. Эрис мысленно возблагодарила двух королей. Начни он противиться, она бы, чего доброго, случайно сломала ему кости.

Она завела его в укромный уголок по соседству с западными воротами в город. Здесь было просторно – уместились бы трое, – и она прекрасно его знала: тут Эрис порой дремала, если во время дежурства толком ничего не происходило, иногда – с любовником или даже с двумя.

– Кем вы были до того, как это все началось? – спросила девушка, обернувшись, чтобы удостовериться, что никто их не подслушивает.

Мэтью рассеянно уставился на нее. Эрис разглядела его увечья: гнойные раны на шее, длинные алые рубцы на руках. Следы побоев уже начали проступать.

– Хозяином конюшни, – ответил он, устало кивнув куда-то за городские стены. – Мы сеяли, сеяли, а урожая не было. Вот лошади и умерли. Мы их съели. А потом явились сборщики. Я пришел сюда год назад, но куда там. Сейчас нас здесь пруд пруди.

Если ему не помочь, он умрет. Внезапная мысль заставила Эрис схватиться за мешочек, висящий у нее на поясе.

– Держите, пригодится, – сказала она и достала из мешочка кожаный кошелек размером с кулак. Один из аристократов Верхнего квартала швырнул ей этот кошелек, когда Эрис пришла за деньгами, и она непременно лишилась бы зубов, если бы не проворные рефлексy. Теперь же деньги лежали на ладони Мэтью. Пересчитывать монеты не хотелось. Они все ему понадобятся.

– Ступайте поешьте как следует. В богадельне вам обработают раны, но там сейчас все под завязку, так что придется немного потерпеть. Если вас начнет рвать, поищите Констанцию. Она поможет.

Мэтью взвесил кошелек на ладони. Монеты в нем звякнули.

– Да здесь не только на обед хватит, стражница.

– Я не стражница. Зовите меня Эрис. И тратьте деньги с умом.

На его удивленные глаза навернулись слезы, а губы тронула улыбка. Он с такой силой сжал кожаный мешочек, что костяшки побелели. Потом схватил руку Эрис и поцеловал ее.

– Спасибо, – прошептал он.

Эрис покачала головой и отстранилась.

– Надеюсь, это поможет вам продержаться какое-то время, – проговорила она. – Если будет на то воля двух королей, наградят они нас щедрым урожаем в грядущий год.

– Да хранят вас два короля, – сказал Мэтью. – Клянусь их именем, что никогда не забуду вашу доброту.

– Лучше поклянитесь больше не есть сырого мяса, – со слабой улыбкой попросила Эрис.

Едва Мэтью скрылся в узких улочках квартала, сверху вдруг посыпались камешки, забабанив по броне Эрис. Она вскинула голову и увидела за стайкой жаворонков ребенка, который тут же кинулся бежать со всех ног.

Внутри все сжалось. Да, Виктория не раз говорила, что у нее «глаза повсюду», но Эрис и не подозревала, что среди доносчиков есть дети.

Она выбралась из своего укрытия, прячась за тележкой, груженной корзинами с сушеной рыбой. У западных ворот столпилось несчетное множество фермеров, ищущих убежища. Огромные двойные двери охранял отряд стражников, а рядом стоял деревянный стол, за которым восседал чиновник. Фермеры теснили стражей безуспешно, но упрямо, а те отгоняли беженцев копьями, оплетенными кожей, и мечами, спрятанными в ножны. Такие вот толпы стояли у ворот, сколько Эрис себя помнила, – ее семья тоже была в числе беженцев десять лет назад, и с тех пор правители города палец о палец не ударили, чтобы исправить их бедственное положение. Виктория и сама уже напрочь позабыла страх остаться без крова над головой в пучине города, который ее никогда и не манил.

Виктория... Может, лучше рассказать, что она отдала Мэтью деньги, пока сестра сама не прознала об этом, но стоило Эрис даже допустить такое в мыслях, она невольно сбавила шаг.

Эрис пробежалась пальцами по фреске, написанной на воротах, украшенных кованым железом. Рассматривать ее во всех деталях было куда интереснее, чем думать о сестре. Получеловек-полукозел, или, как его называли, Тварь, стоял на коленях посреди кровавого моря и смотрел на двух королей стародавних времен, Саулоса и Ананоса. Из пасти Твари торчали откушенные конечности, глаза с мольбой смотрели на правителей из-под нависших век. Короли же выставили ладони вперед, точно намеревались сказать «нет». За чудовищем и трупами раскинулись поля, объятые огнем. На правой створке были изображены высокие дома и Храм, источавший свет.

Девушка поморщилась. *Кажется, сегодня я в роли Твари. Все пути ведут к моей гибели.*

Алебарда ждала на том месте, где Эрис ее оставила. Жаль, что никто ее не украл – не пришлось бы тащить эту тяжесть вверх по ступенькам. Мешочек на поясе позвякивал уже тише. Девушка поднималась по ступенькам, а мимо проносились прихрамовые конторы – горы, возвышавшиеся по бокам от лестницы, пестрели рядами окон и колоннами, выбитыми прямо в камне.

От приступа страха по рукам побежали мурашки. Нет, все-таки идея дурацкая. Рассказав Виктории о случившемся, можно только приблизить наказание. Девушка развернулась и пошла к баракам. *Еще денек.* Кара подождет до завтра.

Пехотинцы собрались посреди тренировочного поля – они снимали броню, обнажая длинные рубашки. Эрис бегло кивнула им и направилась в сторону порядочно отесанного каменного обрубка в самом конце поля. Когда-то это была высокая колонна, поддерживавшая храм, но за долгие годы ударов тупыми мечами она превратилась в тонкий столбик для отработки приемов.

Они с Констанцией часто устраивали тут поединки. Сестра предпочитала рапиру – тонкий, изящный меч, как нельзя лучше подходивший для ее любимых дальних атак. Эрис же орудовала кинжалом – проворным, очень «личным» оружием. Констанция постоянно побеждала, но проигрыш ни на что не влиял. Куда важнее то, что поединки со старшей сестрой были

столь изнурительными, что Эрис, пускай и на краткий миг, ощущала в теле тот же трепет, как и во время землетрясения десять лет назад.

Вот только теперь Констанция жила иной жизнью. Жизнью *«чертовски хорошего врача»*, как говорил про нее супруг. И все же сестра была почти так же ловка в бою, как местные мужчины, когда для этого находилось время. Правда, нехватка регулярных тренировок не дала Констанции развить проворство и меткость, но она довольствовалась тем, что есть.

А я вот стала злодеем, которого так страшилась в детстве, с горечью подумала Эрис.

Статуи короля Саулоса и короля Ананоса возвышались над тренировочным полем, приветствуя солнце, клонящееся к закату. Солдаты рычали в унисон, отрабатывая атаки. Они двигались слаженно, как один. Эрис выхватила из ботинка свой кинжал – стилет вдвое длиннее ладони с латунной гардой, эфесом и рукоятью из ясеня, отделанной змеиной кожей. Девушка ударила лезвием по столбу – мгновением позже, чем рыкнули другие пехотинцы. Ей хотелось выбиться из докучливого ритма, звучавшего у нее в ушах.

Но тут в окне одной из контор, выбитом в известняке над полем, появилось красно-белое платье Виктории. Даже издали Эрис разглядела поджатые губы и вздернутый нос сестры.

Та обо всем уже знала.

* * *

Эрис поплелась по тропе к Храму. Она пересекла прихрамовую площадь и нырнула в маленькую арку. Подобно Вечному древу с его стройным стволом и бесчисленными корнями, дороги, расходящиеся в разные стороны от главных ворот, ветвились, и чем дальше они длились, тем сильнее сужались. Если верить священникам, короли желали, чтобы тропы в Административном квартале были как можно уже, дабы чиновники не слонялись по ним без дела, а сосредоточились на работе. Но город рос, а вместе с ним и количество служащих, и главная особенность квартала стала доставлять чересчур много неудобств. Особенно тропы были загружены вечерами: священники с чиновниками толпились на них, надеясь подписать указы до окончания дня. Эрис с трудом протиснулась у самого краешка арки.

Мимо прошла группка священников в золотисто-белом облачении, подчеркнуто не замечая толпу. В руках одного из служителей была миска с маслом, а у другого – древесная кора. Третий нес раскрытую книгу и произносил текст, но при этом смотрел прямо перед собой. Глаза у Эрис заслезились от терпкого запаха благовоний.

– «...И два короля молниеносно победили Тварь, не прибегая к магии. Да будет благословен меч, который рассек его тело, и посох, что вернул заблудших слуг к свету. Мудрые короли узрели, что магия Твари порочна и разрушительна, и уничтожили это знание во веки веков...»

Эрис проникла в коридор вместе с толпой. Сердце забилось чаще. Стены потихоньку сужались, и на ее ладонях выступил липкий пот. *Ты не задохнешься, ты не умрешь*, твердила она себе шепотом. Быстро приподняв ногу, Эрис провела пальцами по кожаной подошве и нащупала кинжал. Дыхание стало ровнее.

Возле искусно украшенных дверей приемной Виктории столпились чиновники. Двери были забраны кованой узорчатой решеткой, увешанной множеством фальшивых замков, но эта хитроумная конструкция редко использовалась: Виктория никогда не покидала этого места. Страж, поставленный у входа, записывал на длинном свитке имена, которые ему выкрикивали посетители. Эрис не успела рта раскрыть, чтобы сообщить о своем появлении, как он поманил ее к себе.

– Вас ждут, – объявил он.

Эрис нервно сцепила руки. Она надеялась, что ее имя окажется в самом конце списка и что короли смилостивятся над ней и вовсе избавят сегодня от встречи с Викторией. Страж отступил, пропуская девушку в приемную, а потом к нему снова хлынула толпа.

В нос тут же ударили благовония, и девушка поморщилась. Сосуды с ними были расставлены по всей комнате. На столах из орехового дерева высились кипы пергаментных листов, свитков, потертых красных печатей, а вот мраморный стол Виктории был идеально убран. За спиной у сестры стояли три пустых трона – на случай, если явятся советники, управлявшие городом, вот только Эрис ни разу их тут не видела. Человек повеликодушнее сказал бы, что советники заняты другими делами где-то на территории Храма, но девушка их оправдывать не собиралась.

К ее радости, рядом с Викторией стояла Констанция. Она прижимала к столу развернутый свиток. Взгляды сестер встретились, и Констанция улыбнулась Эрис. В уголках ее глаз проступили тонкие морщинки – напоминание о долгих трудах в поле.

Виктория не глядя обмакнула перо в чернильницу – расстояние между той и рукой, которой она писала, было тщательно выверено. Потом сестра достала печать, окунула в сосуд с алой краской, оставила отпечаток на бумаге и вернула печать в коробочку.

– Доверюсь твоему мнению, – сказала Виктория Констанции, – но только если ты в нем тверда.

– Я сама его обучу. Он не опасен.

– Иначе – смерть. Соглашусь, что это будет ощутимая потеря. Все-таки мы не короли стародавних времен.

На Виктории был треугольный головной убор, отороченный пышным муслином, скрывавшим черные волосы. Шелковое платье было отделано мехом, плечи прикрывали рукава с прорезями, в которые проглядывал слой красной ткани. Поверх платья был надет кожаный табард⁴ с золотисто-белым изображением королевского символа – Вечного древа. Эрис направилась к сестрам, перебирая перепачканными ботинками по каменному полу.

– Смотри, кто пришел, – шепнула Констанция. – Давайте поговорим с глазу на глаз. Надо ей рассказать...

Виктория вскинула взгляд.

– Я дала тебе шанс, – отчеканила она, глядя на Эрис и пропустив мимо ушей предложение сестры. – Велела собрать налог с жителей Нижнего квартала. Что может быть проще?

Эрис стиснула зубы, чтобы только не сказать лишнего. Будь все так просто, Виктория и сама бы управилась. А между тем речь шла о людях, а не о бездушных источниках удобств, и Виктория, по сути, забирала у них пищу, пряча это за красивыми речами. Эрис сделала глубокий вдох. Если верить Констанции, дыхательные упражнения часто могут выручить, но что-то они ни разу не затыкали Викторию.

– Ну будет тебе, Виктория, – вмешалась Констанция. – Ты ведь поручила ей ровно то, что нас разорило десять лет назад. Это мучительная работа.

– И необходимая. Я бы еще простила ее за неспособность собрать...

– «Неспособность» – грубовато сказано.

– Ладно. Не собрать налоги – это еще полбеды. Но раздавать городские деньги...

Констанция повернулась к Эрис:

– Я знаю, почему ты так поступила, но теперь надо спокойно донести это до Виктории.

– Причины меня не интересуют, – отрезала Виктория. – Город на грани восстания. Убытки нужно возместить...

– *Виви*, – с нотками раздражения в голосе перебила ее Констанция. – Логика – это не панацея. Выслушай ее.

Но не успела Эрис и рта раскрыть, как кто-то окликнул Констанцию, заглушив на миг гам в коридоре. На пороге появился человек в окровавленном фартуке и с красными руками.

– Меня ваш муж послал, – запыхавшись, сообщил он. – Вы нам нужны!

---

⁴ Короткая накидка (нередко без рукавов) с разрезами по бокам. Часто украшена гербом владельца.

Констанция быстро поджала губы, но все же закончила свою мысль:

– Виктория, нельзя взимать налоги с тех, у кого ничего нет. Но и раздавать чужие деньги неправильно, Эрис.

– Подумаешь, несколько керингов. Город от этого не обеднеет! – возразила Эрис. – Не могла же я...

– *Стаци!* – нетерпеливо позвал человек с окровавленными руками.

Констанция сдвинула брови. На ее лице проступила тень вины.

– Мне придется...

– Ничего страшного. Иди. – Эрис сглотнула. Увы, разочарование, пригвоздившее ее тяжелым камнем, от этого не улетучилось. – Я справлюсь сама.

Не успела Констанция выйти из приемной, как Виктория продолжила свою тираду.

– Ты как-то сказала, что служба в пехоте тебе не по нраву. А я тогда ответила, что новичкам всегда нелегко и надо сперва потрудиться ради будущих наград. И все равно возложила на тебя серьезную ответственность. Теперь понимаю, что сильно поспешила...

– Да с него взять было нечего! – вспыхнула Эрис, забыв о совете Констанции сохранять спокойствие. – Ты сама-то давно была в полях? Там живет все хуже и хуже. Людям есть нечего. А мне теперь приходится из них налоги выбивать. А ведь и с нами так было! Что, не помнишь уже? А он так похож на...

– На кону сейчас заботы гораздо важнее одного-единственного бедняка, умирающего от голода, – отмахнулась Виктория. – Нам нужны деньги, чтобы платить стражам за их работу. Кешгиум в смертельной опасности. Вообрази, что на нас снова напала Тварь, как некогда на королей стародавних времен!

– Беженцы не угроза, – возразила Эрис. – Ты платишь горожанам за то, чтобы они их прогоняли. Обрекаешь их на гибель под палящим солнцем, а ведь мы сами чудом ее избежали почти десять лет назад.

– Мы не можем допустить, чтобы город наводнили новые толпы. У нас нет на это ресурсов. Богадельня Стаци и Сиваса уже по швам трещит...

– Тогда давайте построим новые богадельни вместо того, чтобы платить охране.

– Ты еще совсем ребенок, – сказала на это Виктория. – И ничего не смыслишь в управлении. Богадельни на пустом месте не строятся.

Ее снисходительный тон лишь распалил Эрис.

– Сидишь тут взаперти со своими абстрактными идеями, а сама ведь и знать не знаешь, что вижу я...

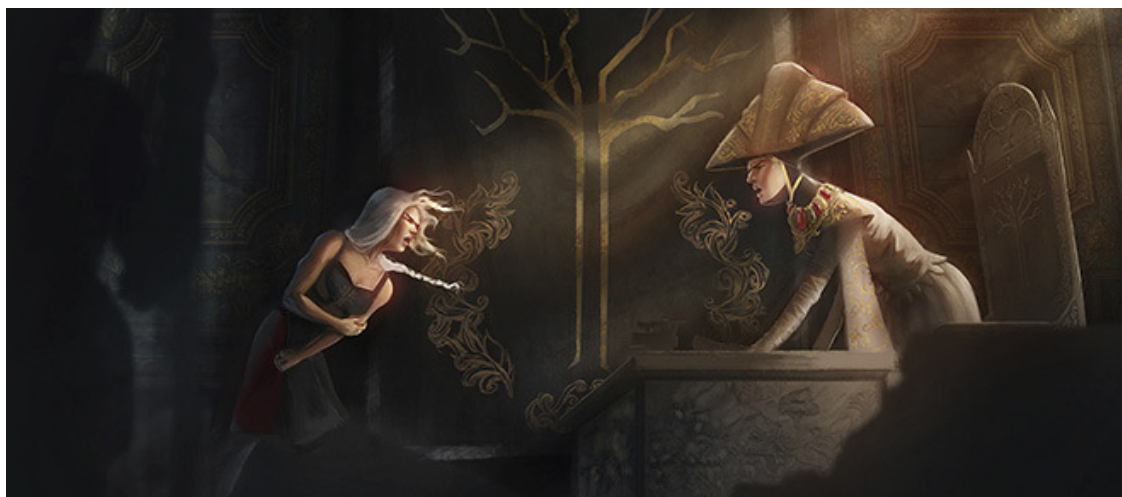

– Тебе нужно кое-что понять об устройстве мира. – Ледяной голос Виктории рассек смутный шум, доносившийся из коридора. – Вот уже третий десяток лет нет урожая. С каждым днем сюда прибывает больше людей, а пищи, которую мы сюда ввозим, на всех не хватит. Если впустить слишком много беженцев, весь город начнет голодать. Народ гневается, и этот гнев надо сдерживать, пока не найдем решение. Поэтому нам и нужны налоги, которые ты не смогла собрать. Вместо этого ты спасла одного-единственного человека, отдав ему жалованье двадцати других. Разве это справедливый обмен?

– Будь он нашим отцом, ты все равно бросила бы его умирать, – горько произнесла Эрис, с усмешкой взглянув на платье сестры. – Конечно, ты же теперь Вторая. Совсем позабыла, как и почему мы тут оказались, – отчеканила она, и ее голос эхом отразился от каменных стен. – Восседаешь в своем мраморном дворце, где тебя все обхаживают. Тебе ведь и дела нет до королей.

– Я прощу тебе эти слова, – непривычно ровным тоном проговорила Виктория. – Остановись, пока еще не поздно.

– Выслушиваешь всякие слезливые истории, чтобы только выслужиться, – продолжала Эрис, – а это ничем не лучше лжи.

Стул Виктории скрипнул по полу. В приемной воцарилась тишина. Эрис сжала кулаки и заставила себя посмотреть в холодные глаза сестры. Комната угрожающе нависла над девушкой. Плечи сковало напряжение, а ум отчаянно пытался высвободиться из-под гнета стен и толпы, теснившей ее сзади. Она чувствовала, как пощипывает от пота трещинки на ладонях, и чем сильнее сжималось пространство вокруг, тем быстрее иссякала ее бунтарская решимость.

Эрис опустила голову.

Виктория села. Стражи заметно расслабились, их броня скрипнула. Чиновники по-прежнему толпились у дверей, размахивая пергаментными листами.

– Завтра вернешься в Нижний квартал и соберешь все, что нам причитается, включая сумму, которую сегодня отдала, – отчеканила Виктория. – Уж что-нибудь у них да найдется. Как и у нас когда-то. Свободна.

Глава третья

Эрис шла через широкую улицу, ведущую к богадельне. Ботинки тонули в рвоте и экскрементах. Несколько смельчаков построили домики из саманного кирпича на топкой грязи, но большинство сторонилось богадельни.

Девушка нырнула в скрипучие двери. В нос тут же ударил тяжелый запах спиртного и имбиря. Больные лежали на койках по трое. Недомогания у пациентов были самые разные: к примеру, один был весь в муслиновых повязках, а другой свернулся на краешке кровати и сплевывал рвоту в ночной горшок. В воздухе не стихали стоны и кашель.

Из-за перегородки доносились глухие крики и звон инструментов, но поверх этого шума слышался мягкий голос Констанции.

– Потерпите еще немного, – просила она. – Скоро все это закончится.

«Вечно они забирают у меня Стаци», – с горечью подумала Эрис. Но тут же опомнилась и вонзила ноготь в висок. Жаль, что нельзя выдрать эти эгоистичные мысли из головы и позабыть их. Она взяла пузырек с папиным лекарством, громко поблагодарила пустую комнату и направилась домой.

Стоило Эрис увидеть исполинскую стену из известняка, которой была обнесена вилла Виктории, и сожаления снова затуманили ей голову. Ну почему она не привела Мэтью домой и не отдала ему свое жалованье вместо денег из городской казны? Он же никуда не спешил – и она тоже. Великие короли, ну почему она не дождалась, пока Виктория дочитает свои нотации, а решила препираться с одной из самых влиятельных жительниц города, да еще на глазах у всех?

Эрис закричала и закрыла лицо руками. В этот миг она ненавидела себя за то, что так и осталась тем же вспыльчивым, нетерпеливым ребенком, каким была десять лет назад. Она ни капельки не изменилась. Сестры вот достигли огромных успехов в новой жизни, а Эрис так и застряла в утомительной роли служительницы гвардии, которую ей навязали Виктория с Констанцией. Собирать налоги с людей, оказавшихся в том же положении, что и их семья когда-то, слоняться с алебардой, которой она толком и не владела, – таков был ее удел. Констанция говорила, что однажды Эрис найдет свою дорогу, но ей самой казалось, что до этого так же далеко, как до коронации. Она была никем и ничем.

Горло стиснул спазм, а известняковая стена расплылась перед глазами. Девушка бросилась бежать – быстро, быстро, лишь бы поскорее скрыться за этими белыми пятнами. Рядом уже не было леса, который прежде выслушивал ее плач, оставалось лишь прятаться у дома Виктории, пока сестра отсутствовала, – вдали от чужих вздохов и неискренних постукива-

ний по спине. Эрис уселась на мозаику, которой был украшен двор перед домом, и уткнулась в кожаные поножи⁵, пряча слезы.

Неподалеку послышались отцовские шаги. Они приближались. Девушка утерла нос и глаза кончиком рубашки, но было уже слишком поздно. Отец стоял у порога, опираясь на трость, и встревоженно хмурился. В уголках его глаз залегли морщинки.

– Все хорошо, – заверила его Эрис. Голос прозвучал куда гнусавее, чем ей самой бы хотелось.

Отец натянул улыбку.

– Хочу тебе кое-что показать. Это точно поднимет тебе настроение.

Отец повел Эрис на задворки, и она так и ахнула. У дома пышным цветом цвели розы. Их стебли нарушали симметричную мозаику, украшавшую двор. Они пробивались сквозь землю, оставляя в ней тонкие трещинки, и ползли вверх по известняковой стене, разбавляя коричневатое-белое море изумрудными и алыми мазками.

– Только раскрылись, – сообщил отец. – А я уже и забыл, что сажал их.

– Где ты их взял? – спросила девушка, вытирая слезы. Она подошла к одной и погладила бархатистый лепесток, зажав его меж указательным и большим пальцами. – Годы ведь неурожайные, и вырастить что-то в наших краях почти невозможно.

– Это из старых запасов.

Эрис нахмурилась.

– Ты же не сбегал из дома за черенками? Виктория и Стаци будут вне себя, если узнают, что ты выходил один.

Уголки отцовских губ дрогнули в улыбке.

– Тогда ты им скажешь, что в городе меня не видела, правда же? – Он обнял дочку и прижал к себе, а потом поцеловал в лоб. – Я думал, они тебе понравятся.

– Еще как! Такие красивые! – воскликнула Эрис, прильнув к отцу в ответ.

– Я поберегу семена, – сказал отец. – Когда мы только прибыли в город и тут еще не было никаких мозаик, я успел разбить небольшой садик. Выращивать розы – непростое дело, и я уже думал, что они вовсе не появятся, но... – Отец закашлялся и достал платок. На белом хлопке проступили алые капли. Между приступами отец сделал несколько судорожных вдохов.

– Стаци сказала, что для тебя сделали лекарство получше. – Эрис обняла отца за пояс и повела обратно в дом. – Тебе надо отдохнуть.

– Только не надо укладывать меня в постель, – заворчал он. – Дай мне на улице побыть, насладиться видом!

– Шея будет болеть, если уснешь в кресле, – напомнила девушка. – Лучше окошко тебе открою.

– Помнишь, как... как мы ходили в деревню? – Отец снова закашлялся и тяжело опустился на кровать.

Эрис кивнула и откупорила бутылочку с сиропом от кашля, которую принесла с собой.

– Открой рот, – попросила она и влила лекарство.

От противного вкуса отца передернуло.

– Виви вечно ходила за мной хвостиком, спрашивала, что ей дальше делать. Стаци шла прямиком в святилище читать книгу о королях. А ты... ты была настоящей исследовательницей. Так и норовила улизнуть, но мы... мы вовремя тебя ловили, а иначе ты бы бог весть как далеко убежала! – Он усмехнулся и устроился поудобнее. – Когда тебе было... лет пять или шесть, ты все-таки потерялась. Я тебя, наверное, целый час искал, а ты все это время сидела одна-одинешенька у старого пня, плакала и звала меня. Помнишь?

Рассказ всколыхнул смутные воспоминания.

---

⁵ Часть доспехов, которая надевается на ноги и защищает спереди область от колен до щиколотки.

– В детстве я была такой плаксой, – проговорила Эрис. – Да ей и остаюсь.

– Я понял, что твои побеги не прекратятся. И научил тебя ориентироваться по солнцу и звездам. – Отец крепче сжал руку Эрис. Взгляд Виктории был холодным и пронзительным, у отца же за десятилетия тяжелых трудов в поле он успел помутиться. – Ты же можешь отсюда сбежать, так почему все еще здесь?

Эрис вздрогнула.

– Ну... я... – Девушка скользнула по комнате рассеянным взглядом, подыскивая ответ. – Я ведь вас всех люблю! Да и ты болеешь. Я не могу сейчас уйти.

– В тебе течет моя кровь. Я умею ориентироваться, этому меня научил отец, – произнес он. – Мы, видать, из семьи рыбаков, которым пришлось навсегда сойти на берег, когда шторма стали мешать промыслу. Может, мы чересчур часто теряли курс в море. – Отец рассмеялся, а после закашлялся. – Моя кровиночка, моя радость. Я ведь, как и ты, любил исследовать лес, топтать грязь у ручейков. Постоянно сбегал, а отец ловил меня и давал подзатыльники. Только меня это не останавливало...

– Но потом ведь перестал?

Отец кивнул.

– Когда отец постарел – подай, пожалуйста, вон ту подушку, – я перестал убегать. Мне пришлось работать, чтобы кормить его. А потом и вас, моих дочурок.

– Можно вернуться вместе, – предложила Эрис, – когда ты поправишься. Переберемся домой ради воспоминаний.

– О, это было бы чудесно. Дом, леса, в которых мы играли... – Отец погладил младшую дочь по голове. – Я уже и забыл, каково это – быть свободным.

Эрис сосредоточенно катала в пальцах пустой пузырек. А ведь совсем недавно отец мог подхватить ее, даже не охнув. И ему нисколько не помешало бы то, что дочка тут же начала бы молотить его по груди маленькими ножками и плакать, отказываясь идти домой. В ответ на все ее крики он сказал бы только: «Да, знаю». А теперь этот самый негибачей человек лежал перед ней, тощий как скелет, и каждый вздох давался ему с трудом, будто на грудь кто-то взвалил огромный камень.

До чего тяжело ей было смотреть, как старость потихоньку превращает ее отца в младенца.

Она быстро-быстро заморгала, чтобы на глаза не навернулись слезы. Все заволочла темнота – свет просто не успевал просочиться под веки. Пузырек выпал из рук.

– Я же вижу, что ты тут несчастна, – сонным голосом пробормотал отец.

– Никуда я отсюда не денусь, пока ты в таком состоянии, – возразила девушка. – Кто о тебе позаботится? У Стаи – Сивас и богадельня. Виктории не дожидаться дома. – Эрис поджала губы, чтобы не сказать лишнего.

Но не получилось.

– В ту ночь, когда ты пропал, мы страшно испугались – думали, ты уже не вернешься, – выпалила она.

Отец слабо коснулся ее руки.

– Простите меня.

– Ты же побывал по ту сторону трещины в горе, правда? – шепотом спросила она, снова не сдержавшись. Черный силуэт, глядящий на нее из разлома, не покидал ее снов. – Что ты там видел?

Ответа Эрис так и не дождалась. Отец закрыл глаза, а кожа на его шее, между ключицами, стала приподниматься и опускаться в такт поверхностному дыханию. Эрис встала – осторожно, чтобы только не скрипнула кровать, – вышла из комнаты, закрыла за собой дверь и поднялась по лестнице, выложенной кафелем, на верхний этаж виллы.

Здесь было что-то вроде чулана, где хранились ведра, тряпки, инструменты, но Эрис решила поселиться именно тут. Разрыв ногой хлам и сдвинув его к стене, девушка добралась до кровати. Виктории не нравилось, что все эти инструменты хранятся в доме – она говорила, что с ними комната похожа на бедняцкую хибару, а вот Эрис хотелось окружить себя ими. Все эти «уродливые предметы» помогали держать дом в чистоте, пусть даже Виктория и предпочитала делать вид, что их не существует. Комната полностью устраивала Эрис – главное, что там можно было открывать окно и смотреть на крошечный кусочек неба.

Девушка устроилась на соломенном тюфяке так, чтобы небо и сейчас было видно. Если сошуриться посильнее, получалось даже различить на нем Полярную звезду. Эрис достала из ботинка кинжал, отделанный змеиной кожей, и принялась вертеть его в пальцах, вперив взгляд в потолок, пока ум не затуманился сном.

В ту ночь ей приснился тополежник – только шире и выше, чем тот, где она играла в детстве. И Эрис снова побывала у трещины в горе, где высилась остроконечная черная тень. Сегодня та принадлежала старинному кораблю, который потерпел крушение и прибил к берегу. Эрис взошла на его борт. Деревянная палуба скрипела у нее под ногами, пока она искала по ящикам дневник судового экипажа и грезила о сундуках, в разверстых пастях которых мерцает золото и серебро. Влажный морской туман охлаждал лицо. Свесившись с поломанной кормы, она выкрикивала мудреные моряцкие термины.

Десять лет она ждала того дня, когда сможет разгадать тайну тени. И твердо решила, что получит ответ завтра.

Глава четвертая

Эрис присела на своем тюфяке, объятая смятением и тревогой.

– *Нам здесь не рады,* – произнес мальчишеский голос.

– *Только и слышу, что твое нытье, и в кого у тебя только такой голос визгливый?..* – сердито парировал другой, девичий. – *Уж лучше бы ты у него помощи так же громко попросил.*

– *Он нас не слышит. Придется тебе напрячь все силы.*

Девочка что-то недовольно проворчала, а потом ее заглушил грохот ломающегося камня.

В комнате было еще темно: Эрис проснулась слишком рано. Голоса затихли. Наверное, это отголоски сна, подумала девушка, пожав плечами. Бледные лучи пробивались сквозь закрытые окна ее чердака.

Эрис нахмурилась. Прежде она окон никогда не закрывала.

Священники делали ежедневный утренний обход. Их приглушенные голоса просачивались в комнату.

– Тварь лжива, будьте осторожны, не слушайте то, что она нашептывает...

Девушка скользнула взглядом по своим доспехам и простонала. Приказ Виктории еще предстояло выполнить. Она судорожно думала, как выкрутиться, чтобы не пришлось забирать деньги у Мэтью. Украсть у кого-то? Она маленькая, так что сможет незаметно шмыгнуть в толпу. Правда, ее могут узнать – за время службы в пехоте она не раз общалась с горожанами, но ведь город такой большой! Впрочем, искусству карманников ее никто не обучал, и, где найти учителя, она не представляла. Если Виктория узнает, что сестра занялась воровством... Эрис содрогнулась от одной мысли об этом, натягивая броню.

Оконное стекло было завешено толстой черной паутиной. Эрис осторожно толкнула его, но тщетно – тогда она еще несколько раз повторила попытку с крепнущей настойчивостью. Наконец паутина с треском порвалась, а окно открылось. Перед глазами девушки раскинулось темно-зеленое море.

Розовый сад захватил весь дом, устлал заднюю стену ковром из пышных фиолетовых, красных, розовых и белых бутонов. Некоторые цветы раскрылись так широко, что было видно пестики, а некоторые – размером с небольшой кочан капусты – плотно сомкнули десятки лепестков. Взгляд Эрис привлек ярко-желтый островок треугольных цветов с алыми сердцевинками. Она полной грудью вдохнула свежий, сладкий аромат, сменивший запах масла и сандаловых благовоний, успевший порядком ей надоесть за последние годы.

Эрис свесила ноги в окно и принялась ими болтать, жадно разглядывая сад. Наверняка это добрый знак. Может, если отцу и впрямь станет лучше, они снова побывают у той горы, заглянут в расщелину, и все ее вопросы отпадут сами собой.

Она бросилась вниз по лестнице и выскочила во двор. Розовые стебли, пробившиеся сквозь мозаику, сместили некоторые камни, и теперь они вздымались и теснили друг дружку. У стены сновала стайка шмелей – они искали те розы, что были поплотнее и раскрылись шире всего, чтобы напиться нектара. Эрис присела на корточки, чтобы лучше их рассмотреть, и улыбнулась, наблюдая за тем, как они перебирают пестики маленькими лапками.

Уступив более плоские цветки шмелям, Эрис отправилась искать тот, который понравился бы отцу. Ее выбор пал на крупную алую розу без шипов, проросшую сквозь мозаику. Стоило к ней прикоснуться, и лепестки раскрылись еще сильнее, обнажив зеленоватую сердцевину.

Вертя короткий стебелек в пальцах и напевая себе под нос, девушка поспешила к отцу в спальню.

– Розы сегодня просто загляденье! – воскликнула она, распахнув дверь, и переступила порог. – Если и дальше будут так быстро расти, придется самой за ними ухаживать!

Отец лежал с закрытыми глазами. Его смуглая кожа приобрела синеватый оттенок.

– Пап? – Эрис положила цветок в изножье кровати. Рука отца лежала на том же месте, что и накануне вечером.

Ужас пронзил ее.

Впадинка между ключицами уже не содрогалась от дыхания.

* * *

Эрис вместе с толпой вошла в мавзолей, и у нее снова екнуло сердце. Она прошла мимо покрытых пылью гробов, простоявших тут долгие годы. Платить за похороны не пришлось, а все благодаря высокому положению Виктории. Каменный гроб был накрыт белым и золотым шелком с вышитым Вечным древом. Шестеро силачей взвалили его на плечи и медленно понесли вниз по лестничному лабиринту в покои, где было приготовлено место для их отца.

Виктория сменила белое платье на темно-серое – в городе именно этот цвет был символом траура. Констанция последовала ее примеру, правда, ее наряд не был столь же пышным. Она попыталась спрятать густые золотисто-каштановые волосы под вуалью, но тонкие прядки торчали из-под нее, точно гусиные перья из-под наволочки. Эрис же остановила выбор на тунике, прикрепив на грудь брошь с изображением Вечного древа. Короли считали, что облик человека должен отражать его скорбь, да и момент для щегольства был самый что ни на есть неподходящий.

Однако священникам это не помешало принарядиться. Их одеяния тоже были серыми, но при этом шелковыми и отороченными мехом. На них висели гроздья золотых и серебряных украшений с камнями – одно дороже другого. Виктория взмахнула сосудом с горящими благовониями. Под разрезами на ее рукавах проступила бордовая ткань.

– Мы предаем земле еще одного из нас, – начал священник. – Нашего собрата пятидесяти лет по имени Аврелиус. Да прославится его имя в новом мире, где правят два великих короля. Молим о том, чтобы они показали ему свои бескрайние владения и пролили на его спящие очи новый свет. Молим, чтобы его судили милосердно, ведь жизнь его была благопристойна и праведна. И пусть его душа вернется к Вечному древу и поможет нашему городу расти и процветать.

Эрис трудно было говорить. Горло саднило от рыданий.

– Благодарим королей, – пробормотала она хором с толпой. Хотя возносить благодарности ей совсем не хотелось. Хотелось кричать что есть мочи и проклинать их за то, что забрали отца. Эрис обхватила себя, жалея, что рядом нет сестер: Виктория стояла в дальнем конце залы за рядом священников, а Констанция искала утешения в объятиях своего мужа Сиваса. Здесь, среди огромной толпы, Эрис оплакивала отца в одиночестве.

Священники спрятали руки в широкие рукава и сцепили ладони вместе. Их последняя молитва наполнила мавзолей. Силачи подняли гроб и занесли в свободную комнатку. Один из служителей прибил деревянную табличку с именем отца сбоку. Виктория стояла спиной к процессии и разговаривала с Верховным священником Бахадусом, до того морщинистым, что казалось, будто с его лица не сходит печальное выражение, и с советницей Руфиной, которую легко можно было узнать по густой шапке рыжих волос. Молитва зазвучала громче, и Руфина поближе склонилась к Виктории, чтобы та лучше ее слышала. Со своего места Эрис не улавливала, о чем те говорят, но обе сдвинули брови, а во взглядах читалась сосредоточенность. Обсуждают какие-то дела, несомненно. Болтают о такой ерунде, когда совсем рядом лежит тело их отца. Эрис торопливо отвела глаза, пряча ярость.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.